

К ПРОБЛЕМАТИКЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ:
ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ
ЯЗЫКОВОЙ ГЕГЕМОНИИ ЗАПАДА

Л. А. Звездин

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

Поступила в редакцию 29 августа 2016 г.

Аннотация: *в статье рассматривается проблематика языковой безопасности современной России с точки зрения угрозы вестернизации отечественной культуры и языка со стороны англо-ориентированной традиции. Тенденции к идеологическим основам языковой экспансии Запада раскрываются через примеры философских концепций его представителей. Предложена общая классификация угроз языковой безопасности России.*

Ключевые слова: *лингвистическая безопасность, языковая гегемония, этноцентризм, угроза, аргументация.*

Abstract: *the article discusses the issues of language security in modern Russia from the point of view of the threat of Westernization of Russian culture and language from the Anglo-centric tradition. Tendencies to the ideological basis of the language of the West's expansion are revealed through examples of philosophical concepts. Proposed General classification of linguistic threats to Russia's security.*

Key words: *linguistic security, linguistic hegemony, ethnocentrism, threat, argument.*

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации к числу основных объектов обеспечения информационной безопасности Российской Федерации в сфере духовной жизни причисляет русский язык как «фактор духовного единения народов» нашей страны, а также как «язык межгосударственного общения народов» в рамках Содружества Независимых Государств [1]. Доктрина развивает Стратегию национальной безопасности Российской Федерации в области информации, образования и культуры. Иными словами, на государственном уровне русский язык определен как существенный элемент национальной безопасности. В типологии определений безопасности языковая проблематика связана с национальной безопасностью, а с учетом межгосударственных связей – с цивилизационной идентичностью всего ареала полиэтнического образования отечественной культурно-исторической традиции. Языковая идентичность, самобытность являются элементами национальной безопасности России, т.е. факторами, определяющими фактический, а не только декларируемый суверенитет, обеспечивая обоснованность использования термина языковой (лингвистической) безопасности.

Важность и актуальность темы связаны с безопасностью государства и народа как образующей его культурно-исторической силы. Характер современных мировых процессов диктует новые требования к безопасности, понуждая политику по ее обеспечению быть гибкой, многомерной и многоуровневой. Меры по обеспечению безопасности государства должны быть направлены, в том числе на сохранение самобытных ценностей как страны, так и цивилизационного образования в целом, поскольку самобытность и, следовательно, суверенность могут подвергаться разрушительному влиянию даже при сохранении целостности и неприкосновенности государственных границ.

Речь идет о критическом влиянии на культурную самобытность, заключающуюся в языке как «духовной силе» народа, по В. фон Гумбольдту. Данная проблематика не нова и в мире признана существенной. Например, Д. Ю. Гулинов приводит перечень мер защитного языкового регулирования во Франции (закон Дексона (loi Deixonne) в 1951 г., закон Ба-Лорьоля (loi Bas-Lauriol) в 1975 г., закон Леотара «О свободе передачи информации» (Loi relative à la liberté de communication) в 1986 г., закон Тубона об использовании французского языка (Loi relative à l'emploi de la langue française) в 1994 г., циркуляр от 2003 г. о контролирующих комиссиях по терминологии и неологии, законопроект 2010 г. (Proposition de la loi relative au développement des langues et cultures régionales)) [2].

Д. Ю. Гулинов констатирует при этом, что, несмотря на принимаемые меры, в культуре современной Франции продолжают происходить неконтролируемые заимствования, перерождений и поглощений в языковом измерении. Главным образом, данные процессы протекают под влиянием англо-ориентированной культурной традиции, хотя «основная масса французов настроена отрицательно по отношению к англоязычной лексике в СМИ» [2]. При этом, хотя и отмечается наличие резистентности по отношению к массовому проникновению иноязычной лексики, однако эта резистентность носит зональный, фрагментарный характер, в зависимости от жанра и тематики дискурса.

А. Грамши выдвинул понятия «культурная гегемония» и «культурное ядро», полагая при этом государство как «гегемонию, бронированную принуждением» [3]. Гегемония осуществляется, прежде всего, в культурном и языковом форматах как актуальных, т.е. исторически реализующихся в данный момент, что в своем единении дает формат цивилизационный – исторически перспективный. Конечные смыслы культурной гегемонии закрепляются в носителях культуры, т.е. в людях. Хотя из этих людей и выделяются пассионарные «локомотивы» культуры, но, тем не менее, «вместилищем» традиций все равно выступают массы, которые в течение своей жизни и исторического пути хранят, культивируют, жизнеутверждают эти традиции в конкретных образах, артефактах и чаяниях грядущего.

А. Грамши полагал, что «...массы как таковые не могут усваивать философий иначе как веру» [там же]. Исходя из контекста его работы, под «философиями» понимаются социокультурные, в том числе языко-

вые, процессы. Приложение социокультурных процессов к восприятию масс происходит через взаимопонимание в более узких социальных группах общения. «Главным образом веры в социальную группу, к которой он принадлежит, поскольку та придерживается в своей массе тех же взглядов, что и он: человек из народа считает, что большинство не может столь сильно ошибаться, как его пытается уверить своими аргументами противник» [там же]. И завладение инициативы в культурной гегемонии достигается, по Грамши, управлением «массовой психологией».

Возможность воздействия на «массовую психологию» может считаться угрозой по отношению к основаниям самобытных ценностей, поскольку для сохранения последних «массы» принимают на веру ценности общей культурно-исторической традиции (как минимум, для своей социальной группы), к которой они принадлежат, не имея возможности для самостоятельной верификации их в полном объеме. Ценности эти вырабатываются не только «массами», а целым народным «массивом», прошедшим через солидный исторический рубеж, обеспечивающий полноценное формирование цивилизационно признанной общности, коей и является Россия.

Разные культурно-исторические традиции обладают различным трансцендентным и метафизическим опытом¹, который в силу этой «заграничности» приобретает статус оберегаемых верований, на основании которых вызревают этический, эстетический и аксиологический базисы, высеивающиеся в языке как регуляторе культурных процессов, т.е. уже с конкретных аргументационных позиций.

Мы предлагаем отличать языки, прежде всего, исходя из особенностей аргументационных свойств, принимая их особенности, в том числе и фонологические, за одну из форм аргументации. Идеи Н. Хомского предлагают нам учесть универсальные языковые возможности человека («языковую компетенцию»), которые в опыте обретают различия в соответствии с культурными традициями аргументирования.

В отношении внутрикультурных процессов общество следует парадигме оберегания упомянутых традиционных верований, поддерживающих легитимность имеющихся сейчас и зреющих на перспективу этико-аксиологических оснований. Тем самым регулируются хранение и обновление основополагающих принципов реально осуществляемой языковой среды.

Заметим, что язык не реализуется в некотором изолированном «пространстве», как бы поляризованном относительно своей культурно-исторической подоплеки. Окружающие следы эпохи и культуры питают и воспроизводят лингвокоммуникативную среду, обеспечивая ей необходимую для отождествления смыслов предметность. Таким образом, изменение языковых оснований сопровождается и сменой окружающей культурно-исторической артефактуры, используя влияние моды и подражательных инстинктов «масс».

¹ Совокупно как в силу природно-географических условий, так и культурно-исторических предпосылок.

С точки зрения некоторых представителей западной философии, в частности концепции К.-О. Апеля, этические нормы взаимообеспечены языковыми правилами. Представляется, что тем самым занижено влияние духовного опыта через механизм веры, поскольку этот опыт находится на до-языковых подступах и содержится, по-гумбольдтовски, в самом «духе народа», не легитимизируясь дискурсивно-общественным способом. Он в некотором смысле апофатичен.

Правила языковой игры в концепции К.-О. Апеля определяются как самодостаточные. При этом субъектность или субъектная общность в языковой практике замещены трансцендентальной интерсубъективностью. В апелевском «априори коммуникации» неразличимо слиты то, что мы называем опытом высшей духовной практики поколений, подчеркивая вместо них фигуру трансценденции в качестве довлеющего сверхрационального, «обобщенного» опыта. «Априори коммуникации», фактически, устраняет систему верований, регулируясь в большей мере неким самодостаточным кредо взаимопонимания участников дискурса. Следует отметить, что язык, по К.-О. Апелю, – это, прежде всего, коммуникативная среда, наиболее существенным в которой следует считать уровень аргументации.

Несомненно, ценным у К.-О. Апеля является вывод о том, что «...следование нормам предполагает диалогическую экспликацию смысла норм и проверку их значимости» [4, с. 304]. Этико-аксиологические основания верифицируемы только аргументацией диалога, то есть посредством языка. Невозможна «немая» мораль. По Апелю, высокий статус морально-этических норм обеспечивается взаимным интересом участников дискурса, и только им: «Тот, кто “только один”, не может ни следовать правилу, ни в рамках некоего “приватного языка” наделять свое мышление значимостью; более того, все эти процессы принципиально публичны» [там же, с. 301].

Мы замечаем двустороннюю связь между языком и этико-аксиологическим базисом, поскольку согласны с В. фон Гумбольдтом, что «язык – одно из тех явлений, которые стимулируют человеческую духовную силу к постоянной деятельности. Выражаясь другими словами, в данном случае можно говорить о стремлении воплотить идею совершенного языка в жизнь» [5, с. 52]. Возвращаясь к обществу, т.е. к народу, вспомним и следующее: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [там же, с. 359].

В статье Е. С. Гриценко видима связь языка и этико-аксиологического базиса в терминах проблематики языковой безопасности: «...понятие языковой безопасности связано с тенденцией к ослаблению пуристического, запретительного начала нормативных установлений и оценок» [6, с. 11].

Язык испытывает на себе внутреннее и внешнее воздействия, используя подражательные механизмы. В диссертационном исследовании Е. А. Маковецкого обоснованы, в частности, следующие положения:

– подражание является одним из важнейших механизмов социокультурной идентификации;

– подражание – «антропологический принцип культуры»: подражание оправдывает поступок, снимая с человека ответственность за совершенный «по образцу» выбор, осуществляя своего рода терапию человеческой свободы;

– антропокультурная эффективность подражания и психологическая приверженность подражанию объясняются генетической связью подражания с подобием и иерархией;

– подражание на протяжении XIX–XX вв. выходит на первый план в качестве базовой стратегии во всех подходах к сохранению культурного наследия [7].

Видно, что культура, важнейшей частью которой является язык, предопределена к подражанию.

О. Шпенглер настаивает на том, что послеримская западная цивилизация не явилась в прямом отношении развитием античной, а, скорее, ее преодолением, в доказательство чего он апеллирует к пониманию геометрии и математики в античности и затем в периоды Средневековья и Нового времени. Аналогично он проводит параллель между внеисторичным мышлением античности и историчным мышлением Запада. Это, по мнению О. Шпенглера, отражено и в архитектуре, где «...идеал трансцендентной протяженности вступил в принципиальное противоречие с ограниченными возможностями непосредственной видимости» [8, с. 243]. Новая послеримская цивилизация взяла от античной Греции научный и эстетический характер культуры, от Рима – языковую основу, стремление к экспансии и ее правовому обоснованию, но от себя добавила подмеченную Н. Я. Данилевским насильственность к окружающему миру. Тем самым латинский язык был подчинен новым реалиям и затем исторически мумифицирован. Следовательно, при подражании возможен процесс цивилизационного поглощения.

Выделим два направления в стремлении культурной подражательной рефлексии «масс» – подстраивающей для себя (экспансия) и пере-страивающей себя (угасание).

Следует также отметить факторы, прямым образом способствующие эффективному закреплению экспансивной чужеродной языковой традиции. От Н. Я. Данилевского мы знаем: «За потерей первого² и является необходимо это механическое и мертвое заместительное органического и живого. Таковое и было найдено в договоре, то есть в воплощении взаимного недоверия» [9, с. 644]. Отмечаем такие формы отчуждения, как бюрократизм, долговые обязательства, тотальный контроль, которые возникают на фоне тотального «взаимного недоверия». Повсеместное недоверие в настоящее время закреплено и в этико-аксиологическом базисе общества: «Это начало гарантий, вытекающее из договора, и составляет новый, так сказать, протестантский политический идеал, известный под именем конституционализма» [там же, с. 645].

² То есть «живого и органического», по Н. Я. Данилевскому [9, с. 644].

С учетом закрепившейся практики взаимного недоверия фокус доверительности переходит от собственных ценностей к ценностям чуждым, обретающим иллюзию независимости и превосходства: «Доверившись же чужому уму и ходу чужой жизни, они должны были признать последние результаты деятельности этого ума за самое верное решение задачи из всех доселе предложенных как жизнью, так и мыслью» [там же, с. 659].

Итак, в случае распространения практики подстраивающейся подражательности иностранный язык в форме промежуточного смешения с образованием сленга и новояза начинает выступать в роли «третейского судьи» при регулировании культурных процессов. Порождается мода на иностранное языковое сопровождение, принимая форму «последнего достижения» и формируя устойчивую вестернизацию культуры и языка. Процесс подобной регуляции идет на метаязыке моды.

В постмодернизме мода характеризуется как канал коммуникации, который беспрепятственно пронизывает любой оригинальный культурно-исторический уклад, преодолевая его естественные защитные барьеры.

Мода по отношению к традиции сущностно позиционирует себя опережающим концептуальным веянием будущего, предъявляя это еще не наступившее будущее как безусловное совершенство. Смысл моды выражается в том, чтобы быть всегда «впереди» традиции, которая развивается поступательно и гораздо медленнее. Возможно, за модой следует признать феномен с проявлениями паразитной, вирусной природы.

Современная идеология потребления широко питает сферу моды. Именно мода способна давать больше и больше стремлению потребления, реализуясь в череде пустых смыслов. От любых воздействий мода защищается подражательностью «масс» посредством реверансов к сциентизму и идеологии глобальной конкуренции как инструмента стремления к совершенству. В пространстве между модой и правом, если брать их как категории современного мировоззрения, остается качественно однородная среда «среднеобщественных» отношений.

Автор труда «Языковой империализм», Р. Филлипсон, рассматривает экспансию английского языка в мировом масштабе как процесс экспорта товара, где английский язык и есть «товар» [10]. Приводятся справедливые аргументы в пользу того, что данное явление имеет под собой коммерческое основание. Поддержание популярности «товара» выступает как рекламная деятельность. Приемы в рекламировании чуждых языковых «преимуществ» создают своеобразный тип интересов среди «потребителей» данного «продукта». Этот интерес целенаправленно культивируется, обеспечивая ответную потребность в нем, закрепляясь в устойчивых стереотипах мышления, которые следовало бы назвать «языковой модой».

На основании сказанного можно отметить два класса ключевых факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на языковую безопасность России:

1. Внутренние, которые обусловлены ситуацией закрепившегося тотального взаимного недоверия.

2. Внешние, которые реализуются за счет целенаправленного экспансивного влияния англо-ориентированной языковой традиции.

Этим классам и обьязано своим существованием то, что мы называем языковой модой на англицизмы, а также в целом англо-ориентированное мировоззрение, возникшее на не традиционных для него культурных и цивилизационных основаниях, как это происходит, например, в современной России.

Веяния новой глобальной «культурной гегемонии» ведут к насаждению принципов уникультурализма и стремлению к единой для всех дискурсивной аргументации, которая бы выработала в процессе общемировой коммуникации новые нормы и ценности, замыкающиеся только на доводах гуманизма³. Как показывает практика, единство и нерушимость такого этико-аксиологического базиса невозможны, поскольку невозможно установление норм справедливости и равноправия для всех культурно-исторических участников «всеобщего» дискурса⁴. Сама идея справедливости, как и другие основополагающие идеи, заключается еще в до-языковой реальности, с ней *уже* приступают к дискуссии, и она не может быть заранее общей. Концепция дискурсивно обусловленной этики, предложенная К.-О. Апелем, также этноцентрична, поскольку своей концептуальностью претендует на принципиальную всеобщность. Но негласно она подразумевает возможную непричастность к «всеобщим» моральным принципам того, кто по тем или иным причинам может быть не допущен или должен быть отстранен от «всеобщей» дискуссии. И на примере современной политической жизни видно, что даже формальное участие в дискуссии вовсе не подразумевает принятие во внимание аргументации негласно «не допущенной» одной из сторон. Как, например, это наглядно показала судьба племен аборигенов времен эпохи Великих географических открытий, в отношении которых со стороны пришельцев применялась только аргументация обмана или диктата. Концепция «все-дискурсивности» выступает как диктативная, сфера ее применения ограничена по признаку «достоинства на вхождение».

Трансцендентальные особенности дискурсантов образуют из идеальной дискуссии нечто вроде джентльменского клуба, в котором его участники заведомо доверяют друг другу и принимают нормы общения, поскольку каждый из них наверняка держит в кармане заряженный ре-

³ Как известно, А. Гитлер обосновывал «целесообразность» античеловеческих зверств своим субъективным представлением о гуманистических идеалах.

⁴ Приведем пример из сферы современной политики: «Пример трудностей понимания русскими и иностранными дипломатами друг друга – возникшие в сентябре 2008 г. дипломатические разногласия между Россией и Францией по поводу плана мирного урегулирования конфликта в Южной Осетии. В русском тексте плана мирного урегулирования говорилось о безопасности “для Южной Осетии и Абхазии”, в то время как во французской и английской версиях речь шла о безопасности “в” этих республиках. Таким образом, русский текст оправдывал создание “буферных зон” на грузинской территории, а английский и французский текст – нет» [11, с. 45].

вольвер, являя собой те самые «идеальные» субъекты коммуникации⁵. В реальных исторических примерах для западного мышления основным способом привести всех к единому мнению является навязывание этого мнения, декларируя об императивной благодати своих намерений.

Отметим, что уникальнота как полноценная культура невозможна и на синтетических основаниях (эсперанто), поэтому ее развитие все-таки будет опираться на одну из уже существующих культур. Следует сказать, что англо-ориентированная культура достаточно легко воспринимается. Но главная ее особенность не в этом: в своей основе она крайне не толерантна и имеет глубоко внедренное самомнение о собственной исключительности, следовательно, ее повсеместное распространение означает угрозу. Вспомним Ю. Хабермаса: «Средства достижения взаимопонимания снова и снова вытесняются инструментами насилия» [12, с. 167].

В теории радикальной демократии Э. Лакло и Ш. Муфф явлены те самые тенденции, на которые мы указали во внешне нейтральной трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля: выгодная трактовка в свою пользу, казалось бы, общих и незыблемых демократических норм и правил. Дискурс в указанной теории носит подчеркнута антагонистические черты. Участники такого дискурса позиционируются как соперники, а этические нормы и правила языковой игры каждый из них трактует по-своему, подчеркивая тем самым и свое этническое «априори». Теория радикальной демократии нашла отражение в так называемых постколониальных социальных исследованиях, сохраняя в себе основные мотивы экспансионистской идеологии «Drang nach Osten». С. Хантингтон также это признает, хотя и в несколько иных формулировках. В современных политических процессах мы можем убедиться в реализации указанной стратегии на практике, когда нормы международного права открыто подвергаются выгодной для западной общности интерпретации.

Сдерживание западной языковой гегемонии не должно носить командно-административный характер, поскольку тем самым, по терминологии А. Грамши, сохранится принуждение, но без *естественной* гегемонии, которую это принуждение призвано «бронировать». Подход к ведению отечественной языковой политики должен быть гибким и нелинейным. Главным условием предлагается принцип фактической авторитетности, который основывается на системе авторитетных поступков со стороны государства – как во внешней, так и во внутренней политике. Отсюда возникает потребность в авторитете государственного аппарата, институте науки, культуры, спорта и т.д. Требуется и недопущение десакрализации власти.

Этноцентричность западной трансцендентальной прагматики и радикальной демократии должна быть существенно обогащена положениями философии поступка М. М. Бахтина. Он критикует «общность должностования», которая отражена в трансцендентальной прагматике и

⁵ От «идеального коммуникативного сообщества» Ч. Пирса.

свойственна многим последователям кантианства. Бахтин преодолевает тщетный теоретический рационализм: «Поступок в его целостности более чем рационален – он ответствен» [13]. По Бахтину, трансцендентальное оторвано от ответственного. За сим приходим к значимости роли ответственного поступления перед моделью западной дискурсивной концепции (И. В. Пешков на основе идей М. М. Бахтина формулирует «риторику ответственного поступления»). Тогда диалог представляется симфонией, а не антагонистическим дискурсом соперников.

Мы постарались показать, что «априори» языковой гегемонии Запада фундаментально заложено в философии современных западных школ, а в настоящее время наглядно реализуется в отношении российской цивилизационной идентичности, являясь одной из непосредственных угроз языковой безопасности России в современных условиях. Ф. С. Фролов формулирует термин – «культурно-лингвистическая экспансия», причисляя данный феномен к несилловому аспекту ведения войны (теория «мягкой силы» Джозефа Ная) [14]. Иными словами, важность и актуальность проблематики языковой безопасности России в настоящее время трудно переоценить.

Литература

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=28679&req=doc>

2. Гулинов Д. Ю. Дискурсивные характеристики языковой политики современной Франции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Д. Ю. Гулинов. Волгоград, 2015. – 301 с. – Режим доступа; <http://cheloveknauka.com/diskursivnye-harakteristiki-yazykovoy-politiki-sovremennoy-frantsii>

3. Грамши А. Искусство и политика / А. Грамши. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/16283/Gramshi_-_Iskusstvo_i_politika.html

4. Апель Карл-Отто. Трансформация философии / Карл-Отто Апель ; пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. – М. : Логос, 2001. – 344 с.

5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / В. фон Гумбольдт ; общ. ред. Г. В. Рамишвили ; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.

6. Гриценко Е. С. Язык и безопасность в контексте глобализации / Е. С. Гриценко // Власть. – 2011. – № 11. – С. 9–11.

7. Маковецкий Е. А. Феномен подражания в культуре : концептуальные и исторические аспекты : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Е. А. Маковецкий. – СПб., 2012. – 328 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/fenomen-podrazhaniya-v-kulture-kontseptualnye-i-istoricheskie-aspekty>

8. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер ; пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М. : Мысль, 1998. – 663, [1] с, 1 л. портр.

9. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский ; сост. и коммент. Ю. А. Белова ; отв. ред. О. Платонов. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008. – 816 с.

10. Шелестюк Е. В. Английский язык как инструмент вестернизации / Е. В. Шелестюк // Судьбы национальных культур в условиях глобализации : сб. материалов II Междунар. науч. конф. (Челябинск, 4–5 апреля 2013 г.) / под ред. В. Г. Будькиной. – Челябинск : Энциклопедия, 2013. – Т. 2. – С. 143–151.

11. Белов С. А. Законодательное регулирование статуса государственного языка в Российской Федерации / С. А. Белов // Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» : в 2 ч. Ч. 1. Доктринальный и нормативно-правовой комментарий / под общ. ред. С. И. Богданова, Н. М. Кропачева ; науч. ред. Н. С. Шатахина. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. – С. 43–55.

12. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : пер. с нем. / Ю. Хабермас ; под ред. Д. В. Скляднева. – СПб., 2000. – 380 с.

13. Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Baht_FilPost.php

14. Фролов Ф. С. Культурно-лингвистическая экспансия : понятие и содержание / Ф. С. Фролов // Армия и общество. – 2012. – № 1. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-lingvisticheskaya-ekspansiya-ponyatie-i-soderzhanie>

*Военный университет Министерства
обороны Российской Федерации*

Звездин Л. А., адъюнкт кафедры философии и религиоведения

E-mail: lev.zvezdin@rambler.ru

Тел.: 8-921-369-43-30

*Military University of the Ministry of defence
of the Russian Federation*

*Zvezdin L. A., Adjunct of the Philosophy
and Religious Studies Department*

E-mail: lev.zvezdin@rambler.ru

Tel.: 8-921-369-43-30